

## ЯЗЫК КАК СИМВОЛ КУЛЬТУРЫ

Р.П. Мильруд

**Аннотация.** Утверждение о том, что язык символизирует собой культуру его носителей, стало привычным. Однако до сих пор символизирующая функция языков, отражающая культурные особенности народа, изучена недостаточно. В статье делается попытка доказать, что существует связь между языковым знаком и векторами / измерениями культуры.

**Ключевые слова:** язык как символ культуры; векторы культуры; измерения культуры; метки культуры; ориентиры культуры; коды культуры.

### Признаки культуры в языковом знаке

Исследования символических признаков культуры пока еще недостаточно ассоциируются с языковыми формами. Исключение составляет культурно маркированная лексика [1]. Внимание также привлекает визуальная сторона культуры – археологические артефакты, старинные монументы, странные предметы, эксцентричные поступки, подозрительная пища, любопытные ритуалы, загадочные обряды и необъяснимое поведение [2]. Вместе с тем языковые знаки любого уровня сложности, включая морфологию и синтаксис, части речи и члены предложения, тексты и гипертексты, по всей вероятности, не могут не содержать в себе информацию, релевантную для понимания культуры иного народа. Предположение основано на том, что язык представляет собой знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и служит ее социальным символом.

К этому можно добавить, что язык есть такая же обусловленная культурой система поведения, как и система обусловленных культурой неязыковых поступков. Языковое поведение «продолжает» культуру по аналогии с неязыковым поведением, и обе формы поведения, пересекаясь, являются, по сути, неразделимыми. Если подобное утверждение принять как правильное, то в формах языка не могут не содержаться культурно обусловленные признаки, так как языковое поведение неизбежно развивается под влиянием культуры [3].

Культурно наполненный языковой знак, как и обычный знак языка, имеет физическую форму и идеальное значение, однако он соотносится не просто с объектами и процессами окружающего мира, а с явлениями культуры в социальной среде. В таком соотношении возникает культурная «семиосфера» (Ю. Лотман), в которой языковые знаки столь же символичны в культурном отношении, как и неязыковые средства выраже-

ния культуры. При этом если декодирование семантики языковых знаков хотя бы частично формализовано с помощью словарей и тезаурусов, то культурные импликации языка пока еще представлены разрозненно.

Работа с культурным кодом представляет собой расшифровку закодированной информации. Культурная семиотика гетерогенна и принадлежит к единому культурному пространству, которое символизирует. Вместе с тем культурная семиотика асимметрична, так как разные стороны одной и той же культуры выражены с помощью соответствующих знаков с различной степенью определенности и полноты. Культурное пространство имеет свои границы, которые отличаются проницаемостью, условностью и абстрактной относительностью, что делает невозможным указание на окончание «одной культуры» и начало «другой». Наконец, одна культура всегда противопоставлена своими признаками другой и познается в таком противопоставлении, однако существует немало случаев, когда семиотика одной культуры столь же успешно принадлежит и иной культуре [4].

Важность исследования языковых символов объясняется тем, что за ними так же может скрываться культура, как и за этнографией в целом. Подчеркнем, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями культуры.

Языковые символы могут функционировать как метки, ориентиры и коды культуры.

**Метки культуры** – это такие языковые символы, которые прямо указывают на этнографию *быта* языкового сообщества, позволяя распознать культуру и отличить ее от другой по данным простым признакам.

**Ориентиры культуры.** К ним относятся языковые символы, ориентирующие наблюдателя в культурных признаках и указывающие направления, в которых можно распознать культуру, отличая одну от другой по наблюдаемым явлениям.

**Коды культуры** – это языковые символы, требующие дешифровки на основании глубокой и всесторонней интерпретации и позволяющие распознать культуру по ее векторам и измерениям.

Отличие языковых символов культуры друг от друга состоит не только в глубине скрываемой информации, но и в «скорости сообщения». Так, метки культуры относятся к символу «быстрого сообщения». Ориентиры культуры представляют собой символы «замедленного сообщения». Коды культуры есть символы «медленного сообщения». Расшифровка символических кодов культуры требует наибольшего времени и усилий наблюдателя. Объясняется это тем, что метки указывают на информацию, лежащую на поверхности культурных феноменов. Ориентиры доступны наблюдению и при этом нуждаются в объяснении

и интерпретации. Коды останутся непонятными без их глубокого и нередко противоречивого декодирования путем анализа явлений, их интерпретации и формулирования предположений.

### Языковые метки этнографии народа

Еще со времен пионерских исследований Э. Сепира и Б. Уорфа [5, 6] внимание ученых привлекали языковые знаки, служившие индексами культуры, т.е. указывавшими на те или иные этнографические особенности народа-носителя, включая особенности окружающей природы.

Классические исследования соотношения языка и культуры показывают, что у северных народов, где большую роль в их жизни играет снег, существует множество слов для обозначения этого природного явления. Например, в языке эскимосов есть около 100 слов (именно слов, а не фраз) для обозначения *неподвижного снега, снега с коркой, падающего крупными снежинками снега, медленно падающего снега, растаявшего и вновь замерзшего снега, строительных блоков из твердого снега, блестящего на солнце снега, мерцающего при луне снега, первого снега в году, падающего на воду снега, растаявшего снега, обычного снега* и др. [7]. Заметим, что язык эскимосов относится к инкорпорирующим языкам, т.е. слово образуется из нескольких морфем для выражения нужного смысла. В аналитических языках в таких случаях строится фраза из нескольких слов. Тем не менее регулярное употребление множества слов для обозначения самого разнообразного контекста в связи со снегом характерно для культуры северных народов. Это означает, что ***культурные особенности языка проявляются не в том, что можно или нельзя сказать на данном языке, а в том, что реально и регулярно говорится на нем в соответствии с культурой ее носителей.***

Наблюдения показывают, что в иврите – языке, для народа которого в силу природных условий большое значение имеют дожди, есть следующие слова для обозначения данного природного явления: *гешем* (обычный дождь), *матар* (ливень), *тифтуф* (накрапывающий), *йоре* (первый дождь после лета), *малькош* (последний дождь после зимы перед засухой), *сэара* (буря с грозой и ветром). Эти слова являются метками особых природных условий местной культуры.

Слова служат метками, указывающими на особенности быта народа, включая предпочтения в еде. Например, в корейском языке существуют следующие слова, обозначающие разнообразие контекста для лексики «рис»: *семена риса, растение рис, очищенный рис, неочищенный рис, приготовленный рис, смешанный очищенный и неочищенный рис, клейкий неочищенный рис, твердый очищенный рис, жареный рис, рисовая лепешка, рисовое пирожное* и др. [8].

Можно привести много подобных примеров, однако перейдем к анализу языковых знаков как меток, характерных для культуры межличностных отношений, например «уважения», свойственного культурам, развивающимся в «коллективном векторе».

### **Языковые метки «уважения» в коллективных культурах**

В коллективных культурах особое значение приобретает обязательное выражение уважения к человеку и признание его роли в иерархии власти и влияния. Языковыми метками в подобных случаях становятся «индикаторы уважения» (honorifics). Вероятно, языком-чемпионом по количеству индикаторов уважения к собеседнику является японский, где их количество приближается к двум десяткам, уважение выражается к: *равному себе, любимому человеку, младшему по статусу, высокому должностному лицу, старшему коллеге, учителю или профессору, незнакомому человеку, представителю профессии, подозреваемому, обвиняемому, осужденному, к себе (принижая свою роль), к своей компании (принижая роль своей компании по сравнению с компанией-партнером), к чужой компании, императорской фамилии, официальному титулу, владеющему боевым искусством, членам семьи и др.* [9].

Аналоги индикаторов уважения можно найти в русском языке досоветского периода. Например, по отношению к постороннему традиционно использовалось обращение «Почтеннейший!». Существовали и другие формы выражения уважения к социальному статусу. В советское время многие индикаторы уважения были утрачены под влиянием идеологии «демократического централизма». В современном русском языке уважение выражается с помощью местоимений «ты» и «вы». Недопустимо «тыкать» человеку, занимающему более высокий статус в социальной иерархии.

Развитая система индикаторов уважения к человеку существует в корейском языке, однако их классификация здесь иная. Существуют уважительные существительные (особые слова, обозначающие родителей, старших сестер и братьев, других родственников). Есть уважительные глаголы (сравните с русским: «барин почивает» или «изволил откупашь»). Имеются самоунижающие обращения к другим людям (сравните с русским: «Ваш покорный слуга»), что весьма типично для азиатских культур, относимых к культурам самоунижения (self-effacing cultures). Важно также подчеркивать равный статус собеседников, высказывать с помощью особых слов уважение к учителю, употреблять формулы уважения в деловых письмах, соответствовать этикету уважения к людям в торжественных случаях, подчеркивать высокий статус собеседника [10].

Наличие развитой системы индикаторов уважения в корейском языке символизирует коллективность культуры его носителей. Отметим

также, что во многих культурах, например западноевропейской, неуважительно по отношению к человеку подчеркивать его старость. Поэтому в таких языках, как английский существуют эвфемизмы, смягчающие негативную коннотацию «старости». В Англии старых людей называют «старшие граждане» – *senior citizens*. В отличие от таких языковых уловок, в китайском языке, символизирующем коллективную культуру, эвфемизма «старость» нет, последний содержит в себе социальную ценность, уважение и почитание. Отсутствие эвфемизмов старости, таким образом, прямо указывает на ценность, которую приобретает личность в той или иной культуре в зависимости от преклонного возраста.

Интересны для сравнения индикаторы уважения в иврите, где культура народа с древних времен характеризуется обращенностью в прошлое. Ведь именно в прошлом зарождались незабываемые и священные для носителей этой культуры национальные традиции. Особенностью меток уважения здесь является то, что они адресованы не только живым, но и «перешедшим в мир теней», дифференцируя их по определенному рангу [11]. Языковая символика позволяет по-разному выражать меру уважения религиозным деятелям, погибшим мученикам, героям прошлого, заслуженным людям и обычным гражданам, ушедшим в мир иной.

### **Языковые ориентиры фемининной и маскулинной культуры**

Антропологические исследования показывают, что звуки речи могут функционировать как ориентиры, указывающие на такие измерения культуры, как фемининность и маскулинность [12].

Обратимся к гласным и согласным звукам речи и посмотрим на их соотношение в языках разных народов. Обычно количество гласных в разных языках мира не бывает меньше пяти, а 20% известных науке языков имеет в среднем пять гласным фонем. Языки, где количество гласных звуков превышает их среднее количество и количество согласных, называются «вокалическими». Языки, где доминируют согласные звуки, относятся к «консонантным».

Русский язык насчитывает 6 гласных звуков и 37 согласных. Консонантизм в целом характерен для всех славянских языков. Для сравнения, в английском языке – 20 гласных звуков, включая дифтонги, и 24 согласных [13]. Можно сказать, что в русском языке доминирует «консонантизм», а в английском – «вокализм». В датском языке количество гласных возрастает до 23 фонем. В голландском количество гласных увеличивается до 28, включая 12 долгих фонем, 10 коротких фонем и 6 дифтонгов. Эти звуки речи включают как стабильные фонемы, так и потенциальные дифтонги, а также возможные звуки речи в заимствованных словах [14]. Вокалическим по составу фонем является французский язык.

Напомним, что русская культура соответствует коллективному вектору развития с признаками фемининности, а «западные культуры» (со времен германских племен) развиваются в направлении индивидуально-го вектора и маскулинности. Если следовать этой тенденции, то получается, что в «маскулинных» культурах, по сравнению с «фемининными», количество гласных возрастает, т.е. «вокализм» культур ассоциируется с решительностью, наступательностью, активностью и даже агрессивностью ее массового носителя (вспомним викингов). Подобная тенденция подтверждается тем, что в языке кхмеров (Камбоджа) при самом большом алфавите, состоящем из 74 букв, насчитывается всего 12 «независимых» гласных звуков, а культура кхмеров отличается выраженными признаками фемининности, т.е. образности, поэтичности, созерцательности, терпеливости и т.п. В одном из абхазских диалектов (абхазская культура отличается признаками «фемининности») функционируют только две гласные фонемы [15].

Предположение о том, что вокализм языка свидетельствует о маскулинности культуры, подтверждается сопоставлением культур племен американских индейцев. Индейские языки функционируют в трех ареалах: на восточном атлантическом побережье США с чертами вокализма, на западном тихоокеанском побережье с чертами консонантизма, а также в центральном регионе со смешанными, промежуточными признаками. На востоке США, т.е. на атлантическом побережье, в лесных районах вокруг озера Онтарио, на территориях, прилегающих к современному Нью-Йорку, жило большое племя ирокезов, куда входили чероки и др. Члены этого племени были искусными охотниками, отличались воинственностью и агрессивно защищали свою территорию от белого населения, т.е. они принадлежали маскулинной культуре.

На атлантическом западе США, в северной части, жило племя апачи, члены которого охотились, ловили рыбу, а также занимались сельским хозяйством. На южном западе размещались индейцы пуэбло, которые занимались рыболовством, а также выращивали кукурузу, тыкву, бобовые и др. В отличие от ирокезов на западе, которые много воевали, апачи и, особенно, пуэбло на востоке не отличались агрессивностью, хотя слово «апачи» означает «воин». Племя пуэбло практически не оказывало сопротивления американским поселенцам. Апачи и пуэбло характеризовались признаками фемининной культуры.

Сравнение вокализма ирокезов с консонантизмом апачи и пуэбло позволяет предположить, что консонантизм языка апачи и пуэбло символизирует фемининный вектор развития культуры, а вокализм ирокезов – маскулинный [16]. Возможно, преобладание гласных фонем в маскулинных культурах в процессе эволюции объясняется обилием боевых кличей и прочих командных сигналов.



### Языковые ориентиры времени

Рассмотрим систему грамматических времен в языках, символизирующих культуру циклического и линейного времени.

Грамматическое время по-разному выражено в различных культурах, что подтверждается многочисленными лингвистическими данными. Общая тенденция состоит в том, что в культурах циклического времени (Китай, Таиланд, Вьетнам, Индия и др.) грамматическая категория времени, особенно будущее время, выглядит значительно проще, чем в культурах линейного времени (Англия, Германия, США и др.) [17]. Более того, выражение грамматического времени в языках культур циклического времени не обязательно, так как отнесенность высказывания к периоду времени интерпретируется с учетом контекста.

Показательным в этом смысле является иврит, где обнаруживается значительная разница между грамматическими временами современного иврита и языка Библии. В современном иврите есть три времени: прошедшее, настоящее и будущее. Казалось бы, такое четкое деление временной оси больше характерно для культур линейного времени. Противоречие разрешается просто в связи с тем, что современный (стандартный) иврит воссоздан искусственно на рубеже XIX–XX вв. Обращение к классическому ивриту открывает совсем иную картину. В текстах Библии используются все три морфологических времени (настоящее, прошедшее и будущее), однако во многих случаях эти грамматические времена соответствуют прошедшему времени. Именно так переведены тексты Ветхого завета на русский и английский языки. В оригинале на иврите встречаются морфологически выраженные аспекты глагола, которые формально относятся к прошлому, настоящему и будущему, однако могут относиться и к прошедшему времени. В переводах на русский и английский языки эти глаголы даются в прошедшем времени. Переводчики исходили из культурной реальности. Подобное понимание грамматического времени обусловлено еще и тем, что в культурной традиции, символизируемой ивритом, понятие «время» нередко замещается понятием «пространство». Например, в текстах Ветхого завета (Танах) бытует выражение «ле олям ва эд». В дословном переводе оно означает «во всей вселенной и дальше», т.е. в оригинале Библии упоминается вечно и бесконечно продолжающееся пространство. Традиционный канонический перевод библейских текстов на русском и английском языках предлагает вариант «во веки веков». Идея безграничного пространства трансформируется в идею бесконечного времени. Бесконечное время больше соответствует его линейному восприятию с перспективой непостижимого и все удаляющегося будущего. Циклическое время «вращается» вокруг бесконечного пространства, и именно беспредельность этой территории оказывается в фокусе культуры циклического времени.

Будущее время отсутствует в арабском языке, где есть совершенный и несовершенный вид для обозначения прошедшего и будущего времени. Несовершенный вид может обозначать будущее, если он сопровождается соответствующим наречием или узнается по контексту [18]. Нет данного времени и в корейском языке, символизирующем культуру циклического времени, где есть только прошедшее и непрошедшее время. Нет будущего времени в японском языке. В китайском языке грамматическое время отсутствует. Чтобы отнести содержание высказывания к периоду времени, существуют отдельные частицы [17, 19, 20]. Все эти языки объединяются не линейным (вперед, к будущему), а циклическим восприятием времени, где будущее, настоящее и прошедшее едины в вечном существовании.

Интересно, что некоторые языки, символизирующие культуру циклического времени, намного детальнее разрабатывают временную ретроспективу, чем перспективу. Например, в хинди различают три настоящих, два будущих и шесть морфологически маркированных форм прошедшего времени. В испанском языке есть два настоящих времени, два будущих и девять прошедших времен (есть и другие, но реже употребляющиеся). Напомним, что испанская культура во многом формировалась под влиянием мусульманского мировоззрения.

Обращение грамматики языка к прошлому, вероятно, типично для культур циклического времени, символизируя вечность времени, где настоящее и будущее уходят в прошлое. Попутно заметим, что будущее время редко употреблялось в древнерусском языке, где совершенный вид настоящего времени стал выполнять функцию выражения будущего [21].

Для сравнения подчеркнем, что английское грамматическое время символизирует не циклическую, а линейную культуру. Для выражения как ретроспективы, так и настоящего, а также футуристической перспективы есть немало языковых средств.

Для языка культур линейного времени характерно маркированное сослагательное наклонение, которое есть во всех основных европейских языках, включая английский, немецкий, голландский, французский, итальянский и др. Культурологическое сравнение показывает, что сослагательное наклонение есть, по всей видимости, только в культурах линейного времени. Например, в английском языке существует сложная система выражения предполагаемых действий и реальных или нереальных условий в отнесенности к прошлому, настоящему и будущему. Изучение этой системы предположительности и нереальности представляет собой непростую задачу для тех, кто изучает английский язык. Само наличие такой системы языковых средств показывает, что в рамках культуры линейного времени можно произвольно перемещаться по линии времени, в то время как человек не властен над циклическим временем, которое фактически отождествляется с вечным и неизменным пространством.



Цикличность времени, характерная для коллективных культур, проявляется в отсутствии сослагательного наклонения. Действительно, сослагательное наклонение («Я бы мог бы, если бы...») означает, что говорящий рассматривает более или менее реальную возможность изменить естественный ход событий. Подобное видение времени наблюдается в культурах линейного времени. Даже прошлое можно пересмотреть и увидеть по-иному. «Сослагательная» философия бессмысленна в коллективных культурах циклического времени. Вероятно, этим можно объяснить то, что в корейском, китайском, ирландском, финском, иврите и других языках аналогичных культур нет сослагательного наклонения.

В арабском языке сослагательное наклонение выражает желание, желательность или необходимость действий, никогда не затрагивая указание на время, которое неизменно. Подобные языковые особенности характеризуют коллективные культуры циклического времени, выступая их культурным символом. В иврите обращение учителя к ученику с фразой типа «Я бы хотел, чтобы ты вел себя иначе» звучит в дословном переводе следующим образом: «Я хочу ты ведешь себя иначе». Этот пример показывает, что грамматически оформленного сослагательного наклонения в иврите нет.

### **Морфологические и лексические ориентиры насыщенного и ненасыщенного контекста коммуникации**

В культурах, где все окружающее пространство насыщено и пронизано глубинным смыслом и контекстом, план содержания обычно бывает значительно полнее плана выражения. В высказывании многое подразумевается, но не выражается.

Любопытным является тот факт, что языки культур с насыщенным контекстом коммуникации нередко игнорируют такую обязательную для европейских языков информацию, как различение единственного и множественного числа. Например, ни в китайском, ни в корейском языке нет множественного числа существительных. Количество предметом определяется по контексту общения [22].

К культурам с насыщенным контекстом коммуникации относятся народы Азии (Япония, Вьетнам, Китай), арабского мира и некоторые другие.

Обращает на себя внимание наличие во вьетнамском языке слов, где обозначаемый объект не называется, а объясняется с помощью «классификаторов» (classifiers). Например, «что-то похожее на сочинение» – песня, «объекты, похожие на палку» – растения, «то, что приводится в движение людьми» – машины, «то, что носят люди» – одежда, «место, где находится власть» – суд или парламент, «объекты круглой формы» – планета, фрукты, мяч, «тонкие объекты» – бумага, газета, книга... [23].

Разумеется, для успешного понимания смысла сообщения с помощью классификаторов необходим насыщенный контекст коммуникации, типичный для вьетнамской и подобных ей культур.

### **Дейксис как ориентир для идентификации созерцательных культур**

Культуры, пространство которых насыщено контекстом (high context cultures), нередко относятся к «созерцательным», предпочитающим отражать языковыми средствами реально наблюдаемые объекты, явления и процессы.

В «высоко контекстных» культурах встречается языковая символика, указывающая на местоположение предметов в пространстве с учетом наблюдаемой географической реальности. В языках американских индейцев для указания местоположения предмета на столе говорится, что он находится «к востоку от центра стола». Типичные китайские фразы в таких случаях следующие: «на востоке стола», «на юге стола», «на западе стола», «на севере стола» [19].

По аналогии с китайской языковой традицией, в языках австралийских аборигенов (с их созерцательной культурой восприятия мира), встречаются фразы типа «Что это у тебя на северной стене комнаты?». Возможны даже выражения типа «твоя южная коленка». На Гавайях указывают расположение предметов следующим образом: «по направлению к горам», «по направлению к океану». Некоторые признаки созерцательной культуры можно обнаружить в дейксисе русского языка, символизирующего ментальность, в некоторой степени сформированную под влиянием восточных традиций: «южное окно», «северная комната», «западная сторона дома», «восточная часть храма» и др.

В отличие от созерцательных культур «востока», европейская языковая традиция в подобных ситуациях нередко определяет местоположение одного предмета относительно другого, т.е. «посреди комнаты», «слева от тарелки», «позади здания», «вверх по улице», «вниз по течению».

### **Местоимения как ориентиры коллективных и индивидуальных культур**

Языковым ориентиром для распознавания коллективных и индивидуальных культур является разное использование местоимений, указывающих на человека. В коллективных культурах (Китай, Корея, Вьетнам, Япония) личные местоимения обычно не употребляются, хотя и существуют [24].

В соответствии с правилами коллективных культур, лучше обходиться без местоимений. Европейская бабушка скажет своему внуку

«Я люблю тебя». Вьетнамка построит предложение иначе: «Бабушка любит своего внука» [22]. Учитывая особую важность межличностных отношений в коллективных культурах, интересным представляется то, что в корейском языке существуют разные местоимения второго лица. Местоимения «ты / вы» в прямом указании на человека корейцы стараются не употреблять. Более употребительны другие местоимения второго лица, в которых передается теплое отношение к близкому человеку. Помимо этого, существуют три местоимения второго лица с разной степенью вежливости. Есть местоимение (суффикс), употребляемое вместе с именем. Другое местоимение используется с фамилией. Есть также суффикс для неформального обращения к близкому человеку [22]. Подобные языковые особенности символизируют коллективную культуру. В русском языке местоимение второго лица также выражает не только единственное и множественное число, но и меру уважения к человеку. В ситуациях общения невежливым считается, указывая на человека, говорить «он / она» вместо имени.

### **Языковые ориентиры доказательности высказываний**

Доказательность высказываний, или «эвиденциальность» (evidentiality), представляет собой коммуникативную характеристику культур, в зависимости от терпимого или нетерпимого отношения к двусмысленности.

Можно предположить, что в культурах с терпимым отношением к двусмысленности (восток) доказательность высказываний обеспечивается морфологическими средствами, в то время как в культурах с нетерпимым отношением к двусмысленности (запад) — лексическими средствами. Преобладание морфологических и лексических средств доказательности высказывания, предположительно, можно отнести к языковой символике культур терпимых и нетерпимых к двусмысленности. Попытаемся проверить эту гипотезу.

Доказательность высказывания обычно заключается в том, что говорящий уточняет источник и способ получения информации, указывая на то, что он сам лично видел, слышал или узнал от других, понял на основе рассуждений и т.п. [25]. В некоторых неевропейских языках доказательность есть обязательная морфологическая категория, с помощью которой говорящий может подчеркивать, например, от какого количества свидетелей он узнал о происшедшем событии. В европейских языках, как правило, доказательность высказываний передается лексическим, а не морфологическим путем. Значит ли это, что морфологические средства выражения доказательности высказывания символизируют то или иное измерение культуры?

В языках бассейна реки Амазонки глагол во фразе «Собака утащила рыбу» обязательно будет содержать морфологический компонент со следующими возможными значениями: «Я видел это», «Я слышал об этом», «Я догадываюсь об этом», «Мне сказали об этом».

В некоторых языках Перу (ягуа) существует морфологическая система повышения надежности высказывания, указывая точно на время события, которое произошло: за несколько часов до разговора, один день назад, одну неделю или месяц назад, две недели или год назад, в отдаленном прошлом и, наконец, в легендарной древности.

Поскольку эти языки распространены в культурах с высоко насыщенным контекстом общения и терпимостью к двусмысленности, морфологическое выражение доказательности высказывания можно считать символом соответствующей культуры. Подобный предварительный вывод подтверждается примерами китайского языка и его диалектов, где также существует система морфологических суффиксов для выражения доказательности высказывания и где культура терпима к двусмысленности в высоко контекстном пространстве.

В отличие от наблюдаемых «на востоке» морфологических средств выражения доказательности высказывания, западноевропейские языки демонстрируют лексические средства «эвиденциальности», подчеркивая с помощью слов, что информация была получена зрительно, на слух, путем прикосновения или на вкус, в результате понимания, в восприятии от других людей или из средств массовой информации, со ссылкой на разные источники, с поправкой на возможную ошибку («За что купил, за то продал») [26].

Например, в английском языке наблюдаются следующие способы лексической эвиденциальности:

- свидетельство (He looked hungry);
- предположение (He seemed hungry);
- из «первых уст» (He said he was hungry);
- «своими глазами» (I saw he was hungry);
- «собственными ушами» (I heard he was hungry);
- косвенная речь (He was said to be hungry);
- логическое заключение (I guess he was hungry);
- уверенность (Surely he was hungry).

Подобная тщательность, с которой английский язык подчеркивает надежность или ненадежность информации, не случайна. Поскольку европейские языки функционируют в культурах с ненасыщенным контекстом общения и нетерпимостью к двусмысленности, преобладание лексических средств выражения доказательности высказывания, вероятно, можно рассматривать как культурный символ, свидетельствующий и ненасыщенном контексте общения носителей культуры (запад).

### Языковые коды культуры

Языковые коды скрывают в себе глубинные особенности культуры ее носителей, т.е. концептуализацию реальности в соответствии с принятыми в культуре векторами и измерениями. Мировосприятие носителей культуры кодируется в текстах и гипертекстах. Именно тексты и, особенно, гипертексты с их безграничностью, нелинейностью и многоплановостью позволяют декодировать культуру с достаточной степенью надежности. При этом предметом анализа может стать гипертекст метафор, где метафора функционирует как средство выражения культурной ментальности и одна из форм концептуальной картины мира. Признанным результатом такого анализа является вывод о том, что различные культуры нередко имеют разные метафоры [27].

Метафора в декодировании культуры рассматривается как средство языкового моделирования бытия человека по подобию окружающей природы (время летит, чувства переполняют, жизнь течет, талант расцветает, глаза искрятся, душа разрывается и т.п.). Предположение заключается в том, что различные культуры с помощью метафор по-разному кодируют присущие им векторы и измерения, т.е. коллективность и индивидуальность бытия, линейность и цикличность времени, насыщенность и ненасыщенность пространства коммуникативным контекстом.

Рассмотрим примеры декодирования векторов и измерений культуры с помощью концептов «жизнь», «счастье», «страдание» и «смерть» в гипертекстах метафор разных культур. Поясним, что под гипертекстом в рамках исследования понимается некоторое множество текстов метафор, связанных между собой лексико-семантическими «гиперссылками» и относящихся к одному из выбранных для анализа концептов. Метафоры как гипертекст удобны для анализа в силу их лаконичности. Метафоричными по своему языку являются пословицы.

Характерным и, по-видимому, единым для различных культур является символическое кодирование ментальности на примере концепта «жизнь». Одной из типичных метафор по отношению к «жизни» является «дорога». Например, в советскую эпоху развития российской культуры были приняты метафоры типа «величественный пятилетний путь», «светлый путь», «верная дорога», «не свернуть с пути». Аналогичная метафора была принята в Китае в период правления председателя Мао, которого называли «Великий Кормчий».

В христианской культуре (православной, католической, протестантской) праведная жизнь также представлена как «прямой и широкий путь», в то время как греховное существование закодировано как «извилистая и узкая дорога», на которой существуют «препятствия» в

виде «искушений». Споткнуться на дороге – значит согрешить и не послушать пастуха, т.е. господа [28].

Метафора «жизненного пути», вероятно, кодирует в себе линейное измерение времени, характерное для многих культур.

В буддистской культуре также встречается «дорожная» метафора жизни, однако есть и другие метафорические способы выражения этого значения. Например, в японской культуре «жизнь» сравнивается не только с «путешествием», но и с «листочком на ветру», «тяжелым грузом», «цветущей вишней». Эти, казалось бы, разные метафоры объединяет единый смысл – жизнь есть преходящее испытание. В связи с конечностью земного бытия человека, оно метафорически рассматривается не как протяженная линия, а как момент. Сколь продолжительной не была бы жизнь человека, она все равно есть мгновение относительно вечности. В «мгновенной» жизни удачи и неудачи теряют смысл [29].

В отличие от понятия «жизнь» с похожими метафорами в разных культурах, концепт «счастье» имеет различное наполнение в отдельно взятых культурах. Например, для американской ментальности «счастье» – это личная заслуга каждого. Счастье можно получить в качестве трофея. Счастьем можно гордиться как собственным достижением. Счастье можно удерживать в руках всю жизнь. Для российской ментальности добиться «счастья» непросто, оно зависит от везения, легко ускользает из рук и отличается хрупкостью, а также обманчивостью. Корейцы придерживаются убеждения в том, что каждый имеет свою заранее определенную судьбой меру «счастья» и меру «страданий». Имея счастье сегодня, следует обязательно готовиться к завтрашним испытаниям. Именно поэтому в корейской культуре нет такого стремления поскорее добиться счастья, как у носителей западной культуры [30]. Сказанное позволяет сделать предварительный вывод о том, что в концепте «счастье», на примере корейского языка, закодировано циклическое, а не линейное измерение времени.

Анализ показывает, что метафоры «счастья» имеют как общие, так и отличительные признаки в языках разных культур. В китайском языке нет английской идиоматической метафоры «отрывание от земли» или русской метафоры «седьмое небо» и «птица счастья». Одновременно в китайском языке от счастья «не сияют глаза», но есть своя типичная метафора: счастье – это «цветок, распускающийся в сердце». Подобная метафора свидетельствует о самосозерцании, типичном для китайской культуры и, вероятно, для других культур с традициями самонаблюдения и медитации. Подобный вывод подтверждается также метафорой выражения чувств, связанной с описанием движения бровей в китайском языке.

Подчеркнем, что в культурах, где особое значение имеет уважение к другой личности и не принято прямо указывать на человека с помо-



щью местоимений или рассматривать других людей (Корея), в описании природных и иных явлений отсутствует метафора «лицо». В корейском языке «небо не хмурится», «солнце не улыбается», «день не плачет дождем», «погода не шепчет», «звезды не подмигивают», у судьбы нет «гримас» и т.п.

В китайском, как и в японском языке, почти не встречаются метафоры, связанные со страданием. Подобное отсутствие объясняется тем, что буддистская философия отрицает существование страдания как жизненной реальности, а объясняет это тяжелое переживание неумностью человеческих желаний и неспособностью видеть красоту мира. Китайская мудрость заключается в том, что страдание можно прекратить, если прекратить желания [31]. Подобный аскетизм характерен для культур с коллективным вектором развития и циклическим восприятием времени, когда удовольствия и страдания в человеческой жизни распределены поровну и в любом случае проходят. Это служит еще одним подтверждением предположения о том, что метафоры «страдания» можно использовать для декодирования коллективного вектора развития культур со всеми присущими таким культурам измерениями, включая «циклическое время».

Дополним сделанные наблюдения тем, что в русском и английском языках «счастье наполняет», «гнев разрывает» (сравните: «лопнуть от злости»), «ревность сжигает». Метафоры «сосуд», «вода», «огонь» известны лингвистической антропологии как культурные универсалии. В некоторых языках (зулу) вышеназванных метафор нет. Например, от гнева человек «немеет», «болеет», «потеет», «плачет», «перестает дышать». В китайском языке, напротив, человек от гнева «пылает», т.е. метафора «огонь» характерна для китайской ментальности. Более того, китайский язык в целом предпочитает метафору «огонь» и мало обращается к метафорам «сосуд» и «вода» [32]. Очевидно, это связано с тем, что культуры циклического измерения времени акцентируют внимание на огне как символе судьбы, очищения, разрушения, силы и таинства вечной жизни. Предпочтение метафоры «огонь», вероятно, можно считать доказательством того, что с помощью этого языкового символа кодируется циклическое измерение времени китайской культуры и, возможно, иных восточных культур.

Еще более характерным для разных культур является кодирование своих глубинных векторов и измерений на примере концепта «смерть». Анализ показывает, что для культур с линейным временем смерть воспринимается как «конец пути», а для культур с циклическим временем – как «переход к иному бытию», «начало вечности», «вечный сон», «этап существования», «избавление от страданий», «награда за страдания», «конечный путь», «встреча с вечностью», «возвращение домой», «освобождение от бесконечного вращения колеса жизни» и др. [33].

Буддистские воззрения добавляют к этому пониманию «возрождение», подчеркивая, что переход настоящего в прошлое предполагает также превращение прошлого в будущее.

Подчеркнем, что идея смерти как «освобождения» в индуистской культуре означает также нежелательность возрождения и возвращения в жизнь к новым испытаниям и страданиям. Возрождение после смерти, таким образом, не является наградой за праведную жизнь, хотя и дает шанс искупить прежние грехи и достигнуть более высокого уровня очищения [34].

Культуры линейного измерения времени отрицательно относятся к смерти, в то время как культуры циклического восприятия времени с готовностью включают это состояние в цикл вечного бытия, что выражается в метафоре «колесо вечности». Такая метафора в культурах циклического времени исключает метафорическую интерпретацию смерти как «переход в иное состояние». Становится понятно, почему в культурах циклического времени непопулярно долгосрочное планирование своих дел. Смерть, непредсказуемая и неожиданная, является главной перспективой жизни, что делает бессмысленным планирование событий, соблюдение сроков, завершение проектов, достижение целей и переживание триумфа в обрывающемся моменте времени.

Переходы в метафорическом гипертексте дают возможность полнее изучить разные измерения культуры и даже выйти на анализ ее векторов. Например, с помощью китайских метафор можно декодировать не только циклическое измерение времени, но и насыщенное контекстом культурное пространство. «Желтая река» понимается в китайской культуре как граница между формами бытия «здесь» и «там». Отсюда бытует выражение «Не останавливайся, пока не достигнешь Желтой реки». «Восточное море» в китайском контексте ассоциируется с мерой счастья: «Желаем счастья как Восточное море». Даже названия городов наполнены контекстом: «Беспечный может потерять Ханчжоу» (имеется в виду историческое событие).

Дальнейшие переходы в гипертексте метафор открывают другие особенности китайской культуры, требующие своего декодирования: «Тот, кто не соглашается со своими врагами, тот подчиняется им», «Мудрец принимает решение, глупец слушает других», «Если хочешь счастья на всю жизнь – сделай счастливым другого», «Для своего успеха спроси трех стариков», «Чтобы другие не узнали, не делай», «Самый лучший друг тот, кто возвращается издалека» и др. Аналогичные наблюдения можно сделать на примере пословиц других культур.

В целом путешествие по гипертексту метафор позволяет декодировать векторы и измерения культуры, в частности ее коллективность или индивидуальность, циклическое или линейное восприятие времени, насыщенное или ненасыщенное контекстом культурное пространство.

## Литература

1. **Буланин Д.** Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб. : Институт русской литературы, 1995. 398 с.
2. **Quindi F.** Visual Anthropology. Walnut Creek : AltaMira Press, 2004. 293 p.
3. **Senft G.** Culture and Language Use. Sydney : John Benjamins Publishing Company, 2009. 280 p.
4. **Лотман Ю.М.** Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. М., 1996. 447 с.
5. **Sapir E.** Culture, Language and Personality / ed. by D.G. Mandelbaum. Berkeley, CA : University of California Press, 1958. 207 p.
6. **Whorf B.** Language, Thought and Reality / ed. by J.B. Carroll. Cambridge, MA : MIT Press, 1956. 278 p.
7. **Inuit** Language. Wikipedia Books. LLC. 2011. 26 p.
8. **Ho-min Son.** Korean Language in Culture and Society. Hawaii : University of Hawaii Press, 2006. 297 p.
9. **Miller F., Agnes F., McBrewser V.** Japanese Honorifics. L. : VDM Publishing, 2010. 256 p.
10. **Brown L.** Korean Honorifics and Politeness in Second Language Learning. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2011. 311 p.
11. **Hary B., Hayes J., Astren F.** Judaism and Islam Boundaries, Communication and Interaction. Boston : Brill, 2000. 438 p.
12. **Haviland W., Prins H., McBride B., Walrath D.** Cultural Anthropology. Belmont : Wadsworth, 2008. 480 p.
13. **Ladefoged P., Disner S.** Vowels and Consonants. West Sussex : Wiley-Blackwell, 2012. 240 p.
14. **Collins B.I.** Mees. The Sounds of English and Dutch. Leiden : Leiden University Press, 1984. 293 p.
15. **Hofstede G.** Cultures Consequences. California : Sage Publications, 2001. 311 p.
16. **Cipriano J.** Native Americans. N.Y. : Benchmark Education Company, 2003. 118 p.
17. **Muson R., Rathert M.** Tense Across Languages. Berlin : Walter de Gruyter, 2011. 262 p.
18. **Khalil I.** Grounding in English and Arabic News Discourse. Amsterdam : John Benjamin, 2000. 274 p.
19. **Po-Ching Y., Rimmington D.** Chinese. A Comprehensive Grammar. N.Y. : Routledge, 2004. 418 p.
20. **Lee I., Ramsey R.** The Korean Language. N.Y. : State University of New York, 2000. 374 p.
21. **Потебня А.А.** Из записок по русской грамматике. М. : АН СССР, 1941. 318 с.
22. **Perkins R.** Deixis, Grammar, and Culture. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 1992. 245 p.
23. **Daley K.** Vietnamese Classifiers in Narrative Texts. Texas : University of Texas, 1998. 209 p.
24. **Miller F.** The Japanese Language. Where have all the pronouns gone? L. : Ruthrek, 2001. 24 p.
25. **Aikhenvald A., Dixon R.** Studies in Evidentiality. Amsterdam : John Benjamins Publishing Company, 2003. 347 p.
26. **Diawild G., Smirnova E.** Linguistic Realization of Evidentiality in European Languages. N.Y. : Walter de Gruyter, 2010. 371 p.
27. **Lakoff G., Johnson M.** Metaphors We Live By. Chicago : University of Chicago Press, 1996.

28. **Kovacsces Z.** Metaphor in Culture. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. 314 p.
29. **Brown J.** China, Japan, Korea. Culture and Customs. North Charleston : Book Surge, 2006. 191 p.
30. **Diener E.** International Differences in Well-Being. Oxford : Oxford University Press, 2010. 350 p.
31. **Roberts J.** Chinese Mythology. A to Z. N.Y. : Chelsea House, 2010. 172 p.
32. **Kovecses Z.** Metaphor and Emotion. Cambridge : Cambridge University Press, 2000. 244 p.
33. **Parkes C., Loungani P., Young B.** Death and Bereavement across Cultures. L. : Routledge, 2003. 261 p.
34. **Kubler-Ross E.** Death. The Final Stage of Growth. N.Y. : Simon and Schuster Inc., 1986. 181 p.

## LANGUAGE AS A SYMBOL OF CULTURE

**Millrood R.P.**

**Summary.** The assumption that any language symbolizes culture of its bearers has become a mainstream idea. However, so far the symbolic function of languages reflecting the culture of its users has been studied insufficiently. The article makes an attempt to prove that there is a link between a language sign and vectors / dimensions of culture.

**Key words:** language as a symbol of culture; vectors of culture; dimensions of culture; marks of culture; orientations of culture; codes of culture.